

ГЛАВА 19.

Рассказывая историю проституции в тайском обществе, журнал *Hantrakul* пишет:

«До 1905 года проститутки покупались на рынке рабов, работали на хозяев борделя и подлежали налогообложению. Отмена рабства привела к внезапному росту проституции. Большое количество недавно освобожденных рабынь стали свободными проститутками. Также возможно, что к ним присоединялись рабыни-жены. Они отличались от обычных рабынь тем, что рабыня-жена была полностью монополизирована ее мужем. Обычные рабыни обязаны были развлекать разных мужчин, если им приказывал владелец».

В полчетвертого ночи, за день до праздника Лои Кратонг, приехал Джек.

– Оох! – сказал он, заметив мой розовый лак на ногтях.

– Для тебя, – сказала я. – И посмотри еще здесь.

Я открыла кухонный шкаф.

– Целая куча тайской еды. Я сама себя не узнаю.

– Ты становишься тайкой, – заметил он с усмешкой.

– Почти.

Он поставил чайник, чтобы приготовить суп.

– Мне не надо, я не голодна, – сказала я.

– Ты должна есть больше. Ты слишком худая.

– Худая!? Только не в сравнении с тайскими женщинами.

– Нет, ты такая же, как тайка. Фаранги всегда слишком толстые. Тайская женщина только потому тощая, что у нее нет достаточно еды.

В последнее время я похудела. Я весила меньше сорока пяти килограммов, что было для меня маловато. В последнее время я была не слишком озабочена едой. Мне это даже нравилось. Отсутствие желания набивать постоянно свой рот – не милость ли божия? Все же мне не нравилась моя потеря веса из-за постоянных пережи-

ваний. Вся эта неопределенность с Джеком нарушила мое душевное спокойствие. Теперь я понимала, как он был близок к нищете. Бедность в Таиланде была пропастью, неизвестной американцам. Ни нормальной медицины, ни продовольственных талонов, отсутствие приютов для бездомных. Каждый день, в повседневной суете, в глазах Джека виднелось отчаяние. Мне было дискомфортно это осознавать. По правде говоря, это знание перевернуло мое отношение к Патпонгу. Если это отчаяние лежало в основе всех жизненных решений, так может быть, у проституток тоже не было никакого выбора? Может, мне нужно заново пересмотреть тезисы моей диссертации?

Джек поел, затем пошел мыться. Когда он вышел из ванной, я зашла туда и обнаружила, что мой пушистый ковер полностью пропитан водой. Мои ноги уже не чувствовали ворса, под ними хлюпала вода. Я вернулась за Джеком, взяла его за руку и привела обратно в ванную.

– Послушай, это ванная фаранга. Ты должен мыться в стиле фарангов, а не в тайском. Видишь ванную? Вода должна оставаться там. А коврик должен оставаться сухим, иначе будет запах и он покроется плесенью.

У тайцев в ваннных комнатах не было специального места для мытья. Было только ведро с водой, и нужно самостоятельно обливаться водой, не боясь замочить весь пол.

– Оох! – сказал он. – Я должен становиться фарангом.

– Верно. – Мы стояли в ванной, хихикали и целовались.

– А ведь после праздника Лои Кратонг будет день Благодарения, – сказала я ему. – Ты знаешь об этом?

– Это праздник фарангов?

– Нет, только американцев. Когда первые паломники приехали в Америку, индейцы угощали их индейкой и бататом (сладким картофелем), и все веселились.

– Американцы убивали индейцев. Я видел по телевизору.

– Не сразу. Сначала они приняли их еду и устроили праздник. Я возьму тебя с собой на обед в честь дня Благодарения. В отелях проводят специальные мероприятия в этот день. Ты когда-нибудь ел индейку?

– А что это?

– Это похоже на большую курицу. У этой штуки есть нарост под клювом, а еще они делают так: «габбл-габбл».

– Габбл-габбл?

Я полезла искать слово «индейка» в словаре.

– Кай гнуанг! – воскликнул он. – Но кай гнуанг не говорят «габбл-габбл».

Я засмеялась.

– У тайских животных должен быть тайский акцент. Что кричит тайский петух? «Ко-ка-ду-дледу»?

Он засмеялся.

– Нет. Он говорит «эк-ек-ек-ек». Он говорит на тайском языке.

– Как насчет «бау-уау»? Американские собаки лают «бау-уау».

– Тайской собаке это не понравится. Она тявкает «хайнг-хайнг».

Мы держались друг за друга, чтобы не упасть, и давились со смеху.

– Они не лают?

– Да, никогда.

– А тайские свиньи хрюкают?

– Уут-уут.

– Это сова!

– Нет, это свинья!

Когда мы успокоились, Джек сказал:

– Ты идеальна для меня.

Мне нравилось это слышать. Затем я вспомнила, что он как-то сказал, что Дум тоже была идеальна для него. Была ли это идиома, или это означало, что все-таки у него были корыстные цели относительно меня?

В день Лои Кратонг Джек проснулся с сильной язвенной болью. Он сделал себе суп с лапшой, поел и пошел назад спать. Я задалась вопросом о наших планах. Если мы должны были навестить его мать и присоединиться к тусовке господина Тарна, то нужно было бы выйти пораньше.

Но пока у нас еще было время, и я решила спуститься вниз, чтобы почитать газеты. На первой странице сообщалось о проливном дожде, который вызвал наводнение на Юге. Газеты писали, что если ливень будет продолжаться, то станет еще хуже.

Сезон муссона в Таиланде заканчивался в этом месяце, в ноябре. В этом году в Бангкоке было мало дождей. Я видела в этом плюсы – возможность избежать периодов тяжелых ливней и насладиться более прохладной погодой.

Как обычно, ноябрь принес в Бангкок периодические наводнения. Система дренажа в городе была переполнена за месяцы муссона. Моя улица была печально известна тем, что в такие моменты пе-

шеходы были вынуждены пробираться по ней по колено в грязной воде. Бангкокские жители привыкли к этому и не удивлялись, когда слышали звуки моторной лодки там, где недавно была широкая улица. Наводнения на юге Таиланда случались не столь часто. На фото можно было видеть, как семьи под дождем ютились на крышах.

Затем я заметила небольшую статью на последней странице газеты. Там говорилось о группе тайских женщин под названием «Друзья женщин», устроивших пикет в Паттайе. Они устроили его против прибытия еще одного американского флота, обвиняя моряков в том, что они принесли с собой СПИД. Девушки из местных баров организовали встречный пикет с плакатами – «Лучше СПИД, чем голод».

Слезы хлынули у меня из глаз, но я обуздала их. Мне не хотелось, чтобы мой сосед-алкоголик увидел меня и спросил в чем дело. Он стоял, пошатываясь, возле лобби, и высматривал кого-нибудь на предмет поговорить. Чтобы избежать этого, я притворилась, что полностью поглощена газетой. Я не хотела ему объяснять, как сильно переживаю из-за бедственного положения этих девочек. Джек сделал меня очень чувствительной к проблемам бедности. СПИД был ужасным выбором по отношению к голоду. Возможно, мой взгляд на Патпонг и Паттайю было слишком поверхностным.

В 17:00 я разбудила Джека.

– С праздником Лои Кратонг, – сказала я. – Уже поздно.

Он посмотрел на часы.

– До восьми у нас еще есть время, чтобы встретиться с господином Тарном.

Я задалась вопросом, а когда же мы навестим его мать?

– Как язва? – спросила я, но по его лицу было видно, что ему больно.

Он медленно встал с кровати и оделся. Впервые мы вместе проводили праздник, и я была взволнована, но не могла радоваться в полную силу, потому что он еле передвигался. Когда мы вышли из квартиры, я взяла его под руку. Я знала, что держаться за руки у тайцев было не принято, поэтому задалась вопросом, не смущаю ли я его. Мы прошли три квартала вниз по улице, чтобы пересечь эстакаду. Поднимаясь по лестнице, он спросил:

– Когда мы поженимся, ты хочешь, чтобы у тебя была отдельная комната?

Жениться? Он думает, что мы поженимся? Ему не стоит говорить, что я не верю в брак. Это было хорошо для мужчин, но смерть

для женщин. Тем не менее, я знала, что брак в Таиланде был делом серьезным. Религия, королевская семья, необходимость иметь детей – все это было непоколебимой основой их общества. Кроме того, я прекрасно чувствовала сейчас рядом с ним, и не хотела портить настроение.

– Мне всегда нужно собственное пространство, – сказала я.

– Согласен. У каждого должна быть своя собственная комната.

Я задалась вопросом, говорил ли он о своих жилищных условиях с Дум. Иногда тайский язык обозначал слово комнату как квартиру. Живут ли они с Дум отдельно, будучи до сих пор женатыми, или он заранее спрашивает, потому что хочет все обговорить заранее? Так у него могла быть свобода, а также жена, воспитывающая его ребенка.

Нет, я не отнеслась к его разговору о браке серьезно. Но не стоит лишний раз напоминать ему о том, что однажды я уеду обратно в Америку. Или он думает, что может попасть в Америку в качестве моего мужа? Я думаю, что только через труп моей мамы.

Джек морщился и держался в стороне, когда мы забрались в рикшу. Я спросила:

– Может, ты все-таки примешь лекарство?

Он кивнул нерешительно, и по нему было видно, что он ни за что не потратит деньги на это дело.

Я не могла выносить страдания Джека, поэтому сказала:

– Остановимся возле аптеки, я сама куплю для тебя лекарства.

Он вроде как согласился, но мы продолжали ехать мимо.

– Вон там, – сказала я после того, как мы проехали мимо полдюжины аптек.

Когда он увидел, что я настроена решительно, он, наконец, остановил тук-тук и купил его. Я видела, что он жалеет тратить деньги, поэтому я настояла, что этим вечером сама буду за все платить.

После того, как он сделал несколько глотков белой аптечной жидкости, я спросила:

– Когда мы поедem к твоей матери?

– Я скажу тебе позже.

Тут я почувствовала, что что-то было не так. Он наврал мне? Или он решил этого не делать? Была ли там Дум? Может, его сына Банка там не было, и если бы он взял меня, то я бы поняла, что он лжет. Беспоконство, в котором он держал меня, превысило пределы, и я настояла:

– Скажи мне сейчас, я должна знать.

Я видела, что он не хотел отвечать, но, в конце концов, сказал:

– У меня нет денег для моей матери. Я не виделся с ней очень давно.

– Ох.

Сначала я огорчилась из-за него. Как печально не иметь возможности посетить свою семью, когда у тебя нет денег, чтобы принести им. Я задалась вопросом, потратил ли он эти деньги на меня, когда они предназначались его матери? Затем я вспомнила, что недавно, там, в доме его матери была Дум, и она нашла мою визитку в кармане его одежды. Где именно тут ложь? Я терпеть не могла, когда понимала, что где-то здесь кроются манипуляции. Казалось, всегда было что-то неправдоподобное в том, что он говорил, и я часто чувствовала это.

Не желая портить вечер, я разогнала сомнения, что клубились у меня в голове.

Нашим пунктом назначения был Ват Аран, изящный храм на берегу реки Чао Прайя. Джек не хотел было дать мне оплатить за проезд в рикше, но затем все-таки принял половину. Внутри, на территории храма, воздух был пропитан праздником. Толпа гуляющих людей медленно двигалась.

Повсюду торговцы продавали корзиночки-кратонги, сделанные из бумаги, пластмассы или листьев банана.

– Мы будем покупать кратонги? – спросила я, радостно глядя на такое разнообразие. Изначально тайцы делали кратонги из банановых листов, кропотливо их сворачивая. Год назад, в моем классе в А.У.А. нас учили, как их делать. Нам потребовались целые часы занятий, чтобы научиться срезать листья банана и свертывать особым образом пятьдесят или шестьдесят штук, прикрепляя в месте расщепления бамбука. В корзинах мы помещали ароматические палочки и свечи, обматывая все цветной бумагой. Современная эпоха, тем не менее, покончила со старомодным принципом «сделай сам» и предлагала готовые пластмассовые композиции ослепительно ярких цветов.

– Еще нет. Мы ждем господина Тарна.

Фейерверки шумно взрывались то слева, то справа. Изредка в небе распускались цветы огромных салютов, красных, желтых, синих цветов. Из громкоговорителей потрескивала тайская музыка. В углу женщины танцевали в традиционных платьях – блестящая ткань, плотно обернутая вокруг бедер. Они делали стилизованные движения: одно запястье изогнуто, спина наклонена, нога в дви-

жении, голова поднята. Золотые короны держали прическу, вниз свисали украшения. Под звуки музыки их запястья изгибались, а голова поворачивалась из стороны в сторону. Мы с Джеком не торопясь прогуливались по территории. Насколько мне было видно, я была единственным фанангом.

– Я должен поесть. Ты голодна? – сказал Джек, слегка отстранившись. – Мне нужно. Я весь день не ел.

Мы сели в палатке, торгующей едой, и он купил что-то, похожее на омлет, но более воздушное и оранжевое.

– Я расскажу тебе про тайскую еду. Ты уже пробовала это?

– М-м-м, я никогда не видела ничего подобного. Что это?

– Жди, я принесу еще.

Он ушел и вернулся с похожими штуками, наполненными сливочным кремом разных цветов.

– Что это? – спросила я.

– Попробуй сначала.

– Что это? Чем ты меня кормишь? Жуками?

Смеясь, он нацелил ложку в мой рот. Я попробовала на вкус.

– Что скажешь? – спросил он.

– М-м-м-м, сладкое. Аррой (восхитительно). Мне нравилось содержимое, и я подумала, что, возможно, вкус жуков мне тоже когда-нибудь покажется восхитительным.

– Что это за зеленая слизь?

– Кокос.

Мы продвинулись к пирсу. Рисовые баржи были усеяны лампочками, а длиннохвостые лодки неторопливо плавали по реке. Паромы приходили и уходили, чтобы забрать празднующих и затем отплыть. Украшенные цветами краторнги были наполнены зажженными свечками и ароматическими палочками. Метрах в пяти от берега корзиночки образовывали море мерцающих огоньков. Покачиваясь на волнах, они плыли, заполняя собой всю реку, делая ее невероятно пестрой и яркой. Некоторые, после столкновения с лодками, плыли, перевернувшись вверх тормашками. На пирсе люди целыми семьями продвигались к краю воды, и, приседая, управляли свои корзиночки плыть по течению. Пожилые люди торжественно смотрели, как отплывают их краторнги.

– Действительно ли вода имеет такой религиозный смысл? – спросила я Джека.

– Будда оставил здесь свой след на берегу реки.

– На этой реке? Будда был здесь?

– Нет, не на этой реке.

Мы ждали более часа, но Тарна нигде не было видно.

– Ну и хорошо, – сказала я Джеку. – Это даже лучше для нас. Давай пойдем.

Он казался разочарованным, видимо, вообразив себе каких-нибудь общих с ним дел, но быстро приободрился.

– Я покажу тебе интересное место. Мы идем в зоопарк.

Переправившись на пароме через речку, мы прошли мимо дворца Гранд Палас. Когда мы приблизились к королевскому парку, Джек сказал:

– Когда-то мой отец гадал здесь.

Он оглянулся, словно ища его глазами.

– Ты видишь вон тех женщин? – сказал он, указывая на место рядом с парком, возле автобусной остановки. – Восемьдесят батов.

– Они – проститутки?

Он кивнул.

– Дешевые.

– Ты уверен, что они не ждут автобуса?

– Видишь тот угол? Раньше я продавал там порно-журналы. Иногда убегал от полиции. Однажды они поймали меня.

– Ты попал в тюрьму?

– Нет. Они задержали меня на несколько часов, а затем отпустили.

– Ты когда-нибудь был в тюрьме?

– Нет.

У него был задумчивый взгляд.

– В своей жизни я делал много вещей ради денег. У меня была бедная семья. Я всегда работал.

– Как ты оплачивал свой колледж? – спросила я, все еще не веря, что он где-то учился.

– Я продавал еду, жареную кукурузу. У меня была тележка. Приходилось толкать ее весь день.

– А у нас американское правительство оплатило мое базовое образование. У нас предоставляются государственные субсидии на обучение, и даже обеспечивают дополнительными деньгами, чтобы жить.

Он выглядел грустным.

– Не в Таиланде. Здесь ты должен за все платить самостоятельно. Американцам очень повезло.

После паузы он добавил:

– Я надеюсь, что смогу получить работу в Америке. Какая у тебя ссуда? Семь тысяч? Что будет, если мы не сможем заплатить?

– Семьдесят тысяч, – поправила его я.

Он что, действительно думает, что мы поедем в Америку как муж и жена? Я должна быть польщена? Или нужно считать себя оскорбленной из-за того, что его не беспокоило мое мнение? Неужели он был настолько уверен в моей привязанности к нему? Или же у тайских мужчин это считалось нормой?

– В Америке, если ты не можешь заплатить ссуду, то тебя объявляют банкротом, и тебе конец.

– О-ох! – сказал он, пораженный. – В Таиланде не так. Долг идет к детям и их детям, и остается навсегда.

Стоя в красном свете автобусной остановки, я заметила, что тайская девочка подросткового возраста уставилась на нас. Джек и я захихикали.

– Она думает, что ты милый, – сказала я.

– Нет, она смотрит не на меня. Она смотрит на тебя.

– На меня?

– Она раньше никогда не видела тайца с белой женщиной.

Мы еще немного посмеялись.

– Нет, я думаю, что она смотрит на твое симпатичное лицо.

Я лишь один раз ездила на тайском автобусе. Переполненный, душный, с людьми, свисающими из дверей, этот транспорт был не для меня. Тем не менее, поездка с Джеком получилась замечательной и захватывающей. В этот раз мы заняли сидячие места, и любопытные взгляды восхищали нас.

Перед зоопарком мы увидели еще одну толпу людей и десяток продавцов корзиночек-кратонгов.

– Посмотри на эти, – сказала я. – Они прекрасны. Мы можем сейчас купить их?

Он остановился, чтобы узнать цену.

– О-ох! Слишком дорого.

Пока мы двигались внутрь парка, Джек останавливался у каждого ларька, спрашивая цену. Он качал головой и выглядел все более удрученным после каждого ответа. Я хотела предложить заплатить, но чувствовала, что он мог оскорбиться. Сегодня он поздравлял меня в тайский праздник, а завтра была бы моя очередь поздравлять его с Днем Благодарения.

Наконец-то он купил два маленьких бумажных кратонга, дешевых и уродливых. В зоопарке было так же много народу, как и на

набережной. Джек нашел для нас небольшое свободное место на берегу озера. Вся поверхность кишела плавающими корзинками, источающими аромат ладана. Джек зажег свечи и палочки с ладаном, затем закрыл глаза на несколько минут, и мы постояли в тишине. Крошечные точки огоньков мигали вокруг нас по всему озеру.

Интересно, думает ли он сейчас обо мне, или больше всего желает, чтобы прошла его язва. У меня же не было никаких желаний. Все шло просто прекрасно. Мне нравилось быть с Джеком, но я не хотела выходить за него, или за кого-либо другого. И меня все устраивало. За исключением Дум... я хотела бы точно знать всю правду о ней.

Когда все было готово, Джек и я опустили на воду наши кратонги и толкнули их. Я хотела посмотреть, поплывут ли они вместе. Согласно преданию, это означало бы, что пара останется вместе, но Джек жаждал идти дальше. Скорее всего, это вообще его не волновало, подумала я, видя как его не интересуется движение наших кратонгов.

Мы все-таки зашагали прочь, но я все старалась рассмотреть, как они поплывут. Они рядышком прибились к берегу. Мы шли прочь, но я снова оборачивалась. Я видела, что кто-то подтолкнул их палкой, и они направились к центру озера. Какая-то сила оттолкнула их друг от друга. Джек этого не видел. Он спокойно созерцал окружающее и возносил какие-то молитвы к небу. Я хотела спросить его, что бы это значило, но подозревала, что это принесет беспокойство моему сердцу.

Мы снова сели в моторику и поехали назад на Патпонг, где ему надо было на работу.

– Ты придешь вечером? – спросила я.

– Нет. Завтра мы идем на День благодарения, верно?

Я кивнула, но у меня возник вопрос, а не захочет ли он позже вечером снова пойти на праздник кратонгов, но уже с Дум?

Я высадила его и поехала дальше по Патпонгу-1 к Патпонгу-2. Возле баров стояли емкости с водой, чтобы люди могли пустить свои кратонги.

Пьяный фаранг в обнимку с проституткой запустил бумажный кораблик, сделанный из барного счета, и щелкнул его пальцем.

– Очень хорошо, сладенький, – сказала проститутка. – Теперь ты настоящий таец.

Девушки в барах встречали мужчин в традиционных костюмах. Танцовщицы гоу-гоу танцевали в бикини с коронами на голове. У Патпонга был свой собственный способ праздновать этот день.